

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
САМАРҚАНД БЎЛИМИ
АКАДЕМИК Я.ФУЛОМОВ НОМЛИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОНДА
АРХЕОЛОГИК ТАДҚИҚОТЛАР
2003 - йил
4 - сони

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В УЗБЕКИСТАНЕ - 2003 год
Выпуск 4

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES
IN UZBEKISTAN
season 2003
4 - edition

«Ўзбекистон миллий энциклопедияси»
Давлат илмий нашриёти
Тошкент - 2004

шенна. Найденные здесь предметы художественной культуры из-
люстрируют изысканный вкус и высокий профессионализм его со-
зателей. Скульпторы и художники были хорошо знакомы с дости-
жениями гандхарского буддийского искусства и эллинистического
мира. Новые находки выявляя ранее неизвестные стороны буддий-
ской художественной культуры кушанской Бактрии, лишний раз
подчеркивают ее многогибкость и своеобразность.

Антropологический, нумизматический материал и археологи-
ческие предметы, найденные при исследовании захоронений Ка-
ратепа, проясняют многие стороны политической, этнической исто-
рии материальной культуры, обрядов и верований раннесредне-
векового населения не только Термеза, но и всего Тохаристана.

Литература:

1. Ш.Р.Пидаев, Като К. Археологические исследования Узбекско-Японской экспедиции на Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане-2002. Ташкент. 2003.
2. Ставиский Б.Я., Мазурина В.Н. Работы в комплексах В. Г и Д. // Буддийские комплексы Каратепа в Старом Термезе. М.. 1996.

К. Рапен, М.Х. Исамиддинов, А.А. Грицина
(Париж, Самарканд)

РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ КОКТЕПА (раскопы 11 и 1)

В отчетном году Узбекско-Французская экспедиция продолжала исследования городища Коктепа. Раскоп 11 заложен в северо-восточной части так называемого храмового комплекса (Исамиддинов, 2002, с. 35-39; Рапен, Исамиддинов, Грицина, 2003, с. 143. Там же, см. общий план городища). Основная цель раскопок – попытка ло-
кализации “алтаря” – главного общественно-культового сооруже-
ния комплекса. Выбор места раскопок определялся своеобразием
ландшафта в северо-восточной части городища, где на аэрофото-
графии и плане достаточно чётко просматривается уплощённый по-
лукруглый в плане холм, расположенный как бы за пределами стен
храмового комплекса.

Первоначально был заложен раскоп, ориентированный по сторо-
нам света, размерами 10x10 м, и разбитый на четыре сектора, ус-
ловно названные шурфами. С течением времени, следуя поставлен-
ной задаче, раскоп расширялся. Всего было заложено 12 шурфов.

из которых слилась между собой (рис. 1, рис. 2).

Шурф 1. Сразу же за дерновым слоем находилась достаточно
глубокая, пропитанная солями корка. Под ней шёл слой, представ-
ляющий собой рыхлый грунт, насыщенный керамикой, костями
животных, окатанными камнями. Керамика и кружальной и ручной
работы, в том числе, венчик гроболепного, крупногабаритного со-
да типа корчаги, с большой петлевидной вертикальной ручкой.
Слой западной стороны шурфа была расчищена кладка из плоско-
шероховатых и прямоугольных кирпичей. Как впоследствии оказа-
лось, это была часть рухнувшей стены, расположенной в нескольз-
ких метрах к востоку. Фас последней вскоре был обнаружен около
восточной стороны шурфа. Заполнение между двумя этими сте-
нами до уровня пола представляло собой также рыхлый грунт с ке-
рамикой, костями животных, окатанными и разбитыми камнями и
бломками сырцовых кирпичей. В ходе дальнейших раскопок рас-
чищено два уровня полов. Оба пола сильно утрамбованы и сильно
обожжены. На втором (нижнем) полу зафиксировано два очажных
 пятна. Верхний пол, по-видимому, продолжительное время нахо-
дился открытым перед тем, как на него рухнули кирпичи, так как
последние покоялись на слое накопления из рыхлого лёсса.

Керамика из шурфа 1 почти вся приготовлена без применения
гончарного круга. Среди неё встречается окрашенная и красно-
обожженная, а также заготовки для грузиков (пряслей) из стекон
сосудов.

В юго-западной части шурфа опустились ниже уровня полов,
связанных со стенами, и сели на уровень пола какого-то жилища
типа полуземлянки, видимо, раннегородского вела (РЖВ). Кера-
мики здесь найдено мало и вся она лепная, включая расписную. За-
фиксировано несколько лунок от столбовых конструкций. Однако,
связаны ли они с этим жилищем или нет установить в точности не
 удалось. Следует отметить, что полы, а также выявленные стены
были пробиты также ямками от столбовых конструкций, относя-
щихся к различным времененным периодам (рис. 1).

Небольшими зачистками около восточной стены шурфа под по-
ложены найден каменный серп и венчик расписной чаши. Чаша вы-
полнена очень тщательно из глины высокого качества и обжига,
окрыта ангобом и залощена. Она формовалась, скорее всего, руч-
ным способом, но столь тщательно, что создаётся впечатление, что

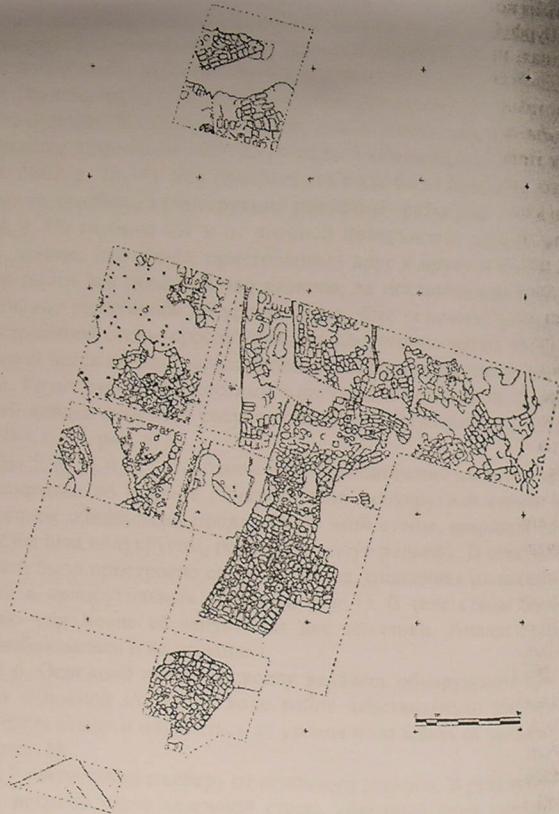

Рис. 1. Раскоп 11. План

сосуд сформован на гончарном круге.

Таким образом, работами в шурфе 1 выявлено, что трёхметровая стена из плоско-выпуклых и прямоугольных кирпичей, также как и стены входного сооружения раскопа 1, возведена на слое

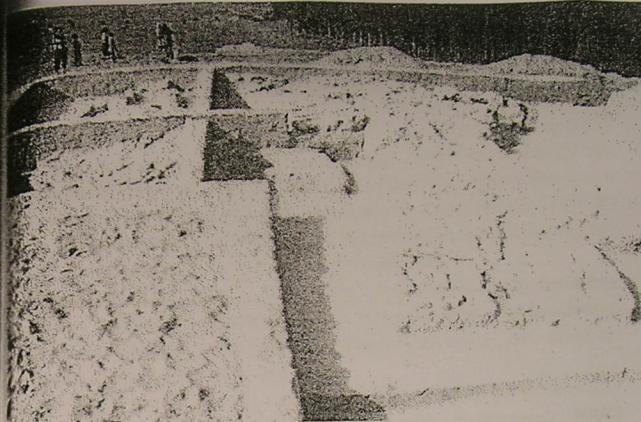

Рис. 2. Вид на раскоп 11 с востока

РЖВ.

Шурф 2. Стратиграфическая ситуация здесь оказалась идентичной. Сразу же за дерновым слоем и соляной коркой шёл рыхлый грунт насыщенный костями животных, и керамикой, выполненной на круге и ручным способом: фрагменты чащ, кубков, горшков, котлов, сковород. Следует отметить и фрагменты фляги кружальной формовки, покрытой плотным светло-коричневым ангобом с лощением. В верхней части, под дерновым слоем найден фрагмент сосуда под сплошной поливной зелёного цвета. Подобные сосуды характерны для второй половины XII в. (Брыкина, 1974, рис. 45; Грицина, 1991, с. 191). Отдельные черепки поливной и неполивной керамики караханидского времени попадались под дерновым слоем и в других шурфах раскопа 11. Следует отметить, что посуда караханидского времени и другие следы жизнедеятельности в этот период уже давно фиксируются практически на всей территории города.

Почти по всей площади шурфа 2 фиксировались остатки рухнувшей кладки из плоско-выпуклых и прямоугольных кирпичей (рис. 1, рис. 2).

Шурф 3. На глубине 35-40 см от уровня дневной поверхности

пошла беспорядочная кладка различной высоты от упавшей стены, как и в шурфе 2. Заполнение между блоками упавшей кладки предкай. Всё это находилось на полу зеленоватого цвета с очень твёрдой поверхностью без очажных пятен, аналогичной той, что была зафиксирована в прошлом году на раскопе I (Исамиддинов, Греис, Грицина, 2002, с. 70-74). Вся поверхность пола была пронизана отверстиями от столбовых конструкций различных размеров.

Шурф 4. На глубине 0,4 м от дневной поверхности опустились на стену, точнее, две стены, пристроенных друг к другу и которые занимали почти всё пространство раскопа, за исключением западной части, где опустились до уровня пола. Фас основной стены и фас пристроенной стены прослеживались достаточно чётко. На полу в южной части шурфа зафиксированы остатки рухнувшей кладки стены. Грунт рыхлый, с костями животных и керамикой. Среди последней найден фрагмент сосуда со сливом бурглюкского типа (Дуке, 1982, с. 45, рис. 6, 8).

Шурфы 5, 8, 11 и 12. Основной целью расширения раскопок являлось вскрытие по ширине обнаруженной полукруглой стены. В ходе раскопок обнаружено продолжение этой стены, шириной более 3 м. Она шла полукругом, повторяя контур рельефа. В северной части к ней была пристроена ещё одна стена, сложенная из плоско-выпуклых и прямоугольных кирпичей (рис. 1). В теле стены было вырублено уже после её запустения две землянки. Аналогичная картина наблюдалась и на раскопе I.

Шурф 6. Основной целью раскопок являлось обнаружение продолжения основной стены. В ходе работ действительно удалось вскрыть часть стены и опуститься до уровня пола вдоль её западного фаса (рис. 1).

Шурф 7 расположен к северу от основного раскопа. В результате раскопок вскрыта часть основной стены, северный край которой оказался сильно нарушенным (рис. 1).

Шурфы 9 и 10. Предполагая, что вскрываемая полукруглая стена могла иметь форму замкнутого полукруга или сегмента, были заложены два шурфа к западу от основного раскопа. В шурфе 9 на уровне пола зафиксирован развал из обломков кирпичей, подобный тому, что был зафиксирован в шурфах I-3 (рис. 1).

В шурфе 10 также опустились до уровня пола. Он имел традицион-

ный зеленоватый цвет со множеством отверстий различных размеров. Часть из них, по-видимому, как и в шурфе 3, являлась ямками из-под стоек лёгких жилищ кочевников или палаток воинов-македонцев.

В ходе раскопок получен значительный, в основном, керамический материал. К сожалению в большинстве своём он оказался перетёртым, так как внутреннее пространство, прилегающее к стене, интенсивно обживалось в эллинистическое время. Тем не менее, представляется возможным выделение трёх комплексов, относящиеся к трём периодам обживания городища.

Наиболее поздний из них относится к караханидскому времени (XI-XII вв.). Керамика этого периода представлена несколькими черепками поливной и неполивной керамики, которая уже неоднократно встречалась на городище.

Следующие два комплекса делятся между собой с известной долей условности. Хотя следует отметить, что в верхних слоях (имеются в виду слои лежащие над стенами и в верхней части стен) преобладает, в основном, посуда эллинистического времени, значительная часть которой сформована на гончарном круге быстрого вращения. В нижнем же слое значительно преобладает грубо-лепная посуда.

Следует отметить несколько черепков от фляги (о ней см. выше). Высокое качество глиняной массы, обжига и формовки позволяют видеть в ней одну из ранних форм подобной посуды, появляющейся в поздний период комплекса Афрасиаб II и получивших широкое распространение в последующее время. Подобного качества посуда, в том числе и фляга, была найдена и в известном по гребении так называемой "сакской принцессы" в цитадели города Коктепа (Rapin, Isamiddinov, Khasanov, 2001, p. 52-53, fig. 12). Найдка подобного сосуда свидетельствует о неоднократном посещении городища после его запустения.

Особенно хотелось бы выделить комплекс посуды, найденный в нижнем слое шурфа 12. В основном керамика представлена грубо-лепной посудой: котлами с двумя ручками-упорами под венчиком, горшками (рис. 3, 2), кубковидными сосудами с округлым дном (рис. 3, 5), сковородами и жаровнями, плошками, плоской крышкой с ручкой посередине. Среди станковой посуды имеется высокая ножка от сосуда типа крупного бокала (рис. 3, 1), известные по

комплексу ахеменидского времени, выпуклый поддон, видимо, от аналогичного сосуда (рис. 3, 3) и донце кувшина (рис. 3, 4). Из других находок отметим лезвие бронзового ножа, находившийся рядом с археологически целым груболепным котлом с ручками-упорами.

Описанный комплекс посуды достаточно уверенно может датироваться раннеахеменидским временем (Исамиддинов, Рапса, 1999, с. 74, рис. 7). Думается, что к этому же комплексу следует отнести сосуды типа мисок или чайников с так называемым "буругюлюкским" сливом. У одного подобного сосуда под сливом находится дугообразный налеп. Достаточно значительное их количество говорит о том, что они продолжали изготавляться и использоваться и в ахеменидское время, свидетельствуя о длительной непрерывной традиции. В тоже время, они косвенно могут указывать и на время возведения полукруглой стены - на период доахеменидского завоевания Согда. Тоже самое можно говорить и в отношении расписной керамики, встречающейся среди посуды эллинистического времени.

Интересен комплекс керамики из землянки шурфа 1. Комплекс представлен котлами, горшками, чашами, заготовками для пресса, сделанных из черепков битой посуды. Вся посуда сформована без применения гончарного круга. Есть черепок с росписью в виде вертикальной полосы. Выделяется котел с конусовидным налепом ниже закраины. Описанный выше комплекс характерен для РЖВ (Дуке, 1982, с. 44-50; Исамиддинов, 2002, с. 48-53).

Что касается эллинистического комплекса, то станковая керамика представлена хумами и хумча с Т-образными венчиками и окрученным днищем, горшками, в основном, с овальным в сечении венчиком, кувшинами), кубками с прямостоящим, отогнутыми или загнутыми вовнутрь венчиками, в том числе, и с характерным ребром-перегибом в средней части резервуара, чашами с Г-образным венчиком. Отсутствие некоторых форм, характерных для поздних этапов периода Афрасиаб II, например, "рыбных" блюд, сравнительно некачественное ангобное покрытие и лощение и др. говорит о том, что данный комплекс станковой керамики относится к раннеэллинистическому времени (Шишкина, 1974, с. 38-41).

Что касается лепной керамики, то она во многом продолжает традиции РЖВ и представлена крупноангобированными сосудами типа корчаг в тулове одной из которых просверлено сквозное от-

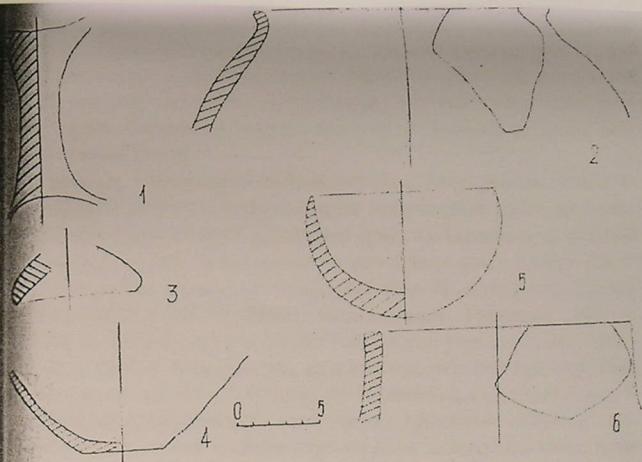

Рис. 3. Керамика из шурфа 3

ерстие, котлами с парой ручек-упоров, жаровнями и сковородами, чашами. Интересен миниатюрный котелок с двумя ручками-упорами, отходящими прямо от закраины. Из других находок следует отметить фрагмент блюда из камня тёмного цвета, известных по ахеменидским комплексам, а также каменные тёроочки и лощила.

Краткие выводы

1. В результате работ на раскопе 11 вскрыт участок полукруглой стены из плоско-выпуклых и прямоугольных кирпичей. Зафиксировано, по крайней мере, два основных этапа её возведения или перестройки.
2. Вероятно на последнем, дозэллинистическом этапе, была пристроена с запада к основной стене дополнительная стена, расположенная в северной части раскопа (шурф 4).
3. В ходе раскопок зафиксировано, по меньшей мере, два прохода в стене, один из которых наиболее чётко фиксируется в шурфе 1. Скорее всего, этот проход вёл в башню, которая не сохранилась.

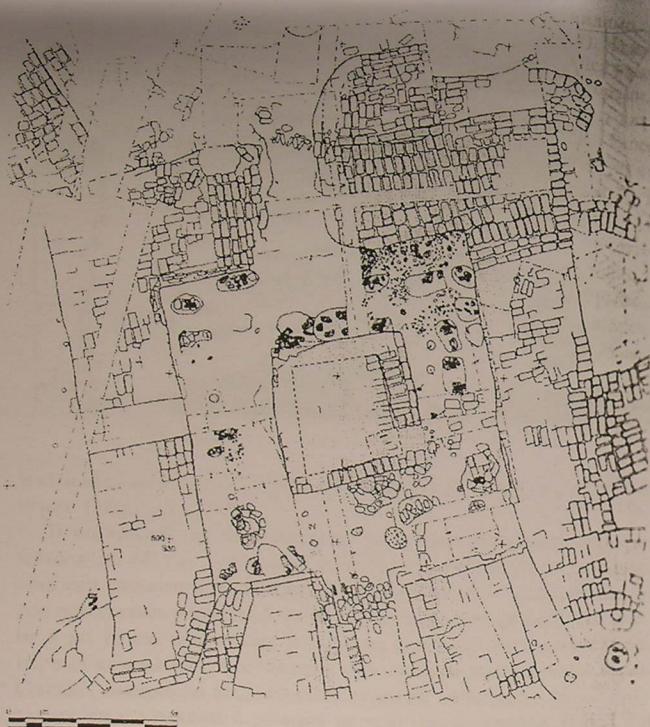

Рис. 4. Раскоп 1. План центральной части здания

4. Назначение полукруглой стены (кроме оборонительного) на сегодняшнем уровне исследований пока определить сложно. Можно лишь говорить о том, что в эллинистический период она активно использовалась, т.к. найдено значительное количество керамики и других материалов этого времени, хотя каких-либо фундаментальных построек эллинистического времени здесь не зафиксировано.

5. Керамический материал оказался, в основном, перемешан-

ым, но в нём достаточно уверенно выделяется раннеэллинистический комплекс, а также комплекс из нижнего слоя шурфа 12, который относится к ахеменидскому времени. Найдены расписной посуды, сосудов со сливом, могут свидетельствовать и о более раннем времени. Возможно, именно они смогут указать на время возведения самой стены.

На раскопе 1 проведены небольшие по объёму работы, в основном, в форме зачисток и детализации полученных ранее артефактов (работы провела Л.Ю. Шпенёва) (рис. 4). Основное внимание было сосредоточено на вскрытие нижнего пола всего здания входного сооружения храмового комплекса (См. Исамиддинов, Грене, Грицина, 2002, с. 68-75; Рапен, Исамиддинов, Грицина, 2003, с. 143-150). В южной части зачищен небольшой участок пандусного прохода в здание. В результате выяснилось, что пол прохода был выложен из целых, но в основном, из обломков плоско-выпуклых и прямоугольных кирпичей и затем сверху тщательно обмазан глиной (рис. 3). При этом уровень первого пола здания был ниже пола пандуса на высоту кирпичей и обмазки. Обследование нижнего пола здания показало, что он устился циновками, а по всей его площади прослеживаются следы пожара. Пол не был строго горизонтальным. Перепад его уровня в различных местах достигал 10-15 см.

В северо-восточном углу, примыкая к северной и восточной стенам, расчищена груда камней, в основном речной гальки, хотя иногда встречались и обломки сланца (рис. 5). Среди камней возле "подиума" найдены обломки крупной, скорее всего, ритуальной чаши из белого мягкого камня. Не исключено, что она была намеренно разбита, также, как намеренно разбивались зеркала в погребениях в знак того, что душа человека покинула этот мир.

Очень интересная находка сделана в восточном секторе здания. В первом полу расчищена ямка глубиной и диаметром по 25 см. В ней находилось 19 альчиков (астрагалов) и одна кость от фаланги лапы животного. Всё это было засыпано рыхлым грунтом. Любопытно отметить, что один астрагал имел две насечки, показывая её особую роль в этом наборе. Несомненно, что астрагалы были собраны и затем намеренно засыпаны в ямке. Скорее всего, перед ними полный ритуальный набор для какого-то обряда или какой-то игры. Следует отметить, что альчики в Центральной Азии уже с

Рис. 5 Северо-восточный угол здания с камнями

эпохи бронзы использовались и в ритуальных целях, и в обиходных играх (Маргулан, 1979).

В восточной части расчищено несколько крупных очагов диаметром до 60 см. Эта часть была сильно насыщена зольниками и костями животных, связанные с уровнем второго пола. Возле очагов находилось несколько ям от столбовых конструкций диаметром от 8 до 19 см. Возможно, это следы активной жизнедеятельности первых кочевников, посетивших городище, и разрушивших "храм". Однако, именно со второго пола в здании начинается рывё ритуальных ям с камнями и речным песком (Исамиддинов, Грепе, Грицина, 2002, с. 144-146). В этом году вскрыто ещё три ямы (рис. 3). Яма 35 была заполнена сверху рыхлым грунтом. Под ним находился слой речного песка мощностью 45 см. Глубина ямы 70 см, длина 110 см, ширина от 60 см и более. В отличие от ранее выявленных, эта яма вытянута не с запада на восток, как обычно ориентировали погребённых сакские племена, а с юга на запад. Причем, "головная" часть была более расширена. В "голове" находились крупные разные камни (рис. 3). Вторая яма 34 имела аналогичную ориентацию. Размеры её 110 x 50 и более см, глубина 70 см. В ней также "голове" находились крупные камни. Песка было значительно

меньше, чем в предыдущей яме. Яма 36 была заполнена крупными камнями. Форма её не определена.

В этом году зафиксирован северо-восточный угол здания. Кроме того, выявлена ремонтная обкладка, примыкающая к северному фасаду северной стены (рис. 4, рис. 5). Сделано также наблюдение, что размеры кирпичей "подиума" меньше, чем в стенах здания.

В отчетном году получен достаточно чистый комплекс керамики, зажатый между первым и вторым полами и который может быть использован для определения времени возведения здания. Вся посуда сформована ручным способом и представлена горшками (рис. 6, 1-2), один из которых снабжён кольцевидными ручками (рис. 6, 4), чашами различных размеров, среди которых имеется и расписной (рис. 6, 5-6). Очень интересен венчик от крупного сосуда. Видимо, после того как он был изрядно изношен, его заново реставрировали, поместив в гончарную печь. Пока трудно понять почему он удостоился такой "чеши", гораздо проще было бы взять другой сосуд. Не исключено, что он использовался в каком-то ритуале (рис. 6, 3). Кроме керамики на первом полу были найдены

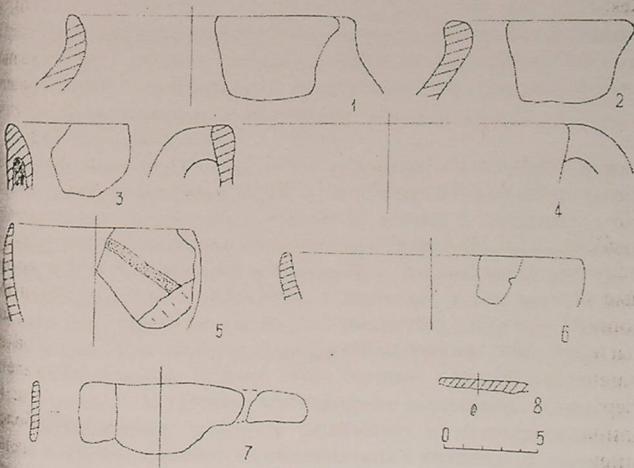

Рис. 6. Керамика с нижнего пола здания

две бронзовые поделки: обломок ножа и обломок шпильки? (рис. 6, 7-8).

Литература

- Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974
- Грицина А.А. Материалы конца XII–начала XIII в. с городища Культепа (Северная Уструшана) // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент. 1991
- Дуке Х. Тюбугузские поселения бурглюкской культуры. Ташкент. 1982.
- Исамиддинов М.Х., Рапен К. К стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандинского Согда. Ташкент, 2002
- Исамиддинов М.Х., Грене Ф., Грицина А.А. Работы Узбекско-Французской экспедиции на городище Коктепа в 2001 г. // Археологические исследования в Узбекистане – 2001 год. Ташкент. 2002
- Рапен К., Исамиддинов М.Х., Грицина А.А. Раскопки в центральной части города Коктепа (Р-1) // Археологические исследования в Узбекистане – 2002 год. Ташкент. 2003
- Маргулан А.Х. Бегазы-даньбыевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Шишкина Г.В. Керамика конца IV – II вв. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
- Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979
- Rapin C., Isamiddinov M., Khasanov M. La tombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand // Académie des inscription & belles-lettres. Paris. 2001.

В.Д. Рузанов
(Самарканд)

О ВОТИВНЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЯХ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Одной из примечательных особенностей металлообработки племен земледельческих культур Северной Бактрии являются вотивные металлические предметы. Они представляют собой маленькие копии разных видов изделий: орудий труда и оружия (топоры, мотыги, тесши, кетмени, серпы, тесла, ножи, кинжалы); предметов домашнего быта (сосуды, тарелки, ложки); предметов туалета (зеркала, лопаточки) (рис. 1). Размеры этих вещей невелики: их длина колеблется от 13 до 50 мм, редко достигая 80 мм и более, ширина – от 0,7 до 1,7 мм, толщина от 0,1 до 0,3 мм. Столь малые параметры имитаций указывают на их ритуальное назначение; та-

кие изделия изготавливались специально для погребений.

Сегодня коллекция металлических имитативных предметов из северо-бактрийских памятников насчитывает несколько сотен экземпляров. Основная масса вотивных изделий происходит из могильников сапаллинской культуры Южного Узбекистана (Аскаров, 1973, табл. 26; 1977, табл. LXVII; Аскаров, Абдуллаев, 1983, табл. XLV, XLVI, LIV, LV; Ионесов, 1990, рис. 1). Особенно насыщен таким материалом погребальный инвентарь погребений бустанских могильников (Бустан 3, 4, 5, 6, 7), относящихся к поздней фазе развития культуры Сапали. Аналогичные вещи известны на юго-западе Таджикистана (Тандыр-йул, Кангуртту), где их доля в коллекции медных и бронзовых изделий также высока (Виноградова, 1980, рис. 4). За пределами Северной Бактрии, в других исторических областях Средней Азии, вотивные изделия встречаются редко. У нас имеются сведения лишь о трех предметах. Это копии одно- и двулезвийных ножей, найденные на поселениях Овадандепе в Южной Туркмении, Дальверзин в Ферганской долине и на поселении Зубурнульской культуры на севере Узбекистана (Кузьмина, 1966, таб. VI, 34, 35; Дуке, 1982, рис. 14, 15). В комплексах степных племен подобные вещи пока не обнаружены. Преобладание находок вотивных изделий на юге Узбекистана позволяет считать сапаллинскую металлообработку центром производства таких вещей и не исключено, что сама идея их создания исходила из этого центра.

Теперь перейдем к химико-металлургическим показателям северо-бактрийских вотивных изделий. Они базируются на результатах спектроаналитических исследований 80 вотивных предметов и их фрагментов. Из поселений Сапаллитепа и Джаркутан, могильников Джаркутан 4 А, Бустан 4,5 и Тандыр-йул. Химико-металлургическая характеристика металлического инвентаря, в том числе и вотивного, ряда памятников Южного Узбекистана и Южного Таджикистана уже была освещена в печати (Виноградова, 1980; Рузанов, 1982; 1994; Аскаров, Рузанов, 1990). Поэтому в данной работе мы ограничимся лишь кратким комментарием выделенных в имитивном металлическом материале химических и металлургических групп и изучим вариации их соотношения в коллекциях памятников Северной Бактрии, а также расскажем о технике изготовления и причинах появления таких вещей в этой исторической области.